

Театр Северного флота

ТЕАТР СЕВЕРНОГО ФЛОТА — это театр, вершащий в силу воздействия своего искусства, в его общественное значение, театр, обладающий несомненным гражданским темпераментом. И, пожалуй, трудно найти пьесу, которая была бы ближе ему, чем «Оптимистическая трагедия» Вишневецкого с ее открытой публицистичностью, пафосом утверждения идей революции, силой и цельностью изображенных характеров.

Конфликт пьесы в спектакле взят широко — не только как столкновение идеалов и революционной дисциплины, за которую боролись коммунисты в те годы, ставшие для нас уже историей. Для театра здесь столкнулись идеальная одержимость человека, его революционная чистота с тем, что шлет окольных путей, пренебрегает лозунгом свои шкурнические интересы, свое неверие во что. И в этом конфликте до конца обнажается и опасная опустошенность Вожака (арт. С. Простяков), и скользкая, темная сущность Спидного (арт. К. Липатов), и прищипотой грубой бравадой всепоглощающее стремление Алексея (арт. А. Найчук) найти свое место в борьбе, и, наконец, сложный путь к большому Командира корабля (арт. Л. Тубелевич).

В центре спектакля — Комиссар, женщина, чье имя так и не узнаем до конца, рядовой член Коммунистической партии. Светловослая, с очень простым лицом, не прячущая своей улыбки, — такой появляется она на палубе корабля, такой и проходит через весь спектакль, не становясь на короткое время, не прибегая к нарочитому пафосу. Убедительно и страстно доказывает актриса А. Богоринова, что сила ее героиня — в одержимости идеей, которой она служит, в большой мечте о будущем. И потому такая захватывающая искренность звучит в словах Комиссара там, где речь идет о самом главном, самом значительном, — в спорах с Алексеем и командиром корабля. Поэтому так напряженно и остро наблюдает она за Вожакон, за тем, что происходит в отряде,

и в моменты, требующие решения, поднимает события своей воле, действуя с отвагой бойца и мудростью полковника.

ТЕАТР не просто рассказывает зрителю историю борьбы этой женщины. Комиссар — это тот человек, во имя утверждения принципов жизни которого поднимает очо свой занавес. Жизни, прожитой на большом дыхании, озаренной великой идеей, жизни человека, приходящего в мир не изживденцем, не мытиком, теряющимся при виде трудностей, а смелым преобразователем, гражданином, активным строителем будущего страны. Прославлению подобной позиции в жизни посвящен и другой спектакль театра — «Барabanщица» (реж. И. Шойхет).

...Перед гранитными полотнонами знамен памятника в честь погибших в борьбе за свободу Родины горит неугасимый светильник. С этой высокой ноты начинается спектакль. И когда раздвигаются полотнища, открывая сцену, когда шаг за шагом развертывается на ней история Нилы Снижко, — высокая нота продолжает звучать, не замедляя до самого финала. Театр слышит ее не только в самоотверженности Нилы, сложную и чистую гамму чувств которой актриса В. Яценюва раскрывает радостно и стремительно.

Высокую ноту улавливает театр и в упрямом желании Федора (С. Садиков) вернуть Ниле, и одновременно в нерассуждающей ненависти к ней Сашки, хорошо сыгранным И. Исаевой, юности, в которой и мальчишество, и гражданственность взрослого. Театр не стремится спустить трагизм положения Нилы, не позволяет мешанской беспринципности Тузикиной (В. Затепашина), трусливой осторожности Чупарова (Ю. Ланов) омрачить трудную радость ее подвига, бросить тень на то яркое и честное в людях, о чем рассказывает спектакль.

...И вот — роковой выстрел.

Смертельно раненная пулей немешного штиола, в последний раз пытается подняться во весь рост Нила; и мы запоминем выхваченную узким и сильным лучом света ее напряженную фигуру. Слова сдвинулись тяжелые полотнища знамен, снова горит неугасимым огнем светильник. Перед ним застыли участники спектакля. И вдруг спокойное, требовательное: «Встаньте, товарищ! Пусть летит со сцены в зрительный зал... И зал встает, поднимаясь театру, захваченный силой его воздействия, благодарный за эти минуты эмоционального подъема, рожденного гордостью за человека, гордостью, объединяющей театр и зрителя.

И ВОТ — «Якорная площадка» И. Штока. Матрос Сергей Селиванюк опоздал на свою подводную лодку — он был у Татьяны, девушки, которую он любит, и которая в этот вечер отбыла на его любовь. Он опоздал всего лишь на час, но этот час оказался решающим: по внезапной тревоге лодке пришлось погрузиться — и она не всплыла. В результате авария погибли члены экипажа и среди них — друг Сергея Валерка. И драматург показывает те нравственные муки, через которые проходил Сергей, обвиняя себя в гибели товарищей, терзаясь, что не был с ними в минуту смертельной опасности.

Что это? Конфликт чувств и долга? Драматург считает, что да. Неларом он уделяет нерассчитливо много места изображению счастья Сергея и Татьяны в тот роковой вечер, неларом он доводит раскаяние героя до попытки самоубийства, неларом он настойчиво перемежает сцены камерными и многозначительными напылениями, где плещут суровые волны, качаются на них корабли и стоят на площадях строгий памятник. Он одновременно и судит Сергея, и подмигивает смягчающие вину обстоятельства. Театр поступил иначе. Он не захотел мерить людей разными мерками, предъявлять к ним разные требования — одни требования для Комиссара и Нилы, другие — для героя «Якорной площадки». Он взглянул на поступок Сергея трезво, без излишних мудрствований. И вдруг обнаружилось, что нет никакого конфликта между чувством и долгом, нет никаких смягчающих вину обстоятельств. Что угрожал любви Сергея и Тани? Небольшая разлука. Событие не такое уж редкое и трагичное. И его явно недостаточно, чтобы объяснить опоздание Сергея необходимостью выбрать между любовью и воинским долгом. Безответственность, неумение ограничить свои восторжения во имя чего-то большего, чем перипетия личной жизни, проявилась в поступке Сергея. Именно так подошел к герою театр (режиссер спектакля В. Гутин-

ков), воспользовавшись жизненным материалом пьесы, чтобы напомнить об ответственности людей друг перед другом, о необходимости точного и постоянного представления о том, что же в человеке истинно ценно.

Сергей в исполнении артиста А. Хрякова — не несчастный, пострадавший за свою удивительную любовь. Это человек, в какую-то минуту посмотревший на жизнь лишь со своей колокольни. И пусть эта минута была неповторима для него по своей значительности — это не значит испытание твердости более трудным, но не вносит и тени оправдания. Симпатии театра на стороне тех, кто приближается к идеалу, ради утверждения которого театр открывает свой занавес. Это капитан Бондарь (А. Фролов), чья внешняя сухость и пунктуальность раздражают Татьяну, чья правильность кажется ей примитивной. Но именно он дает ей суровый урок подлинной человечности, без шумных тирад о борьбе чувства и долга протягивает он руку помощи Сергею — своему сопернику, выполнял долг товарища, долг командира. И Анна Петровна (Е. Сергеева), мать почтубшего Валерки, женщина, казалось бы, сложенная горем, находит в себе силы подумать о других, сказать Сергею мужественные слова, в которых и наказание, и поддержка.

Люди, живущие интересами большими и общими, — такими стремится показать их театр, преодолевая расплывчатость характеристик драматурга.

ЗНАЧИТ, это идеальный театр? В нем все хорошо и все правильно? К сожалению, нет. И задавшись целью в его спектаклях отделить хорошее от дурного, непременно следовало бы высказать целый ряд суровых замечаний.

Но здесь хотелось говорить о другом. О гражданской страстности, определяющей угол зрения театра на действительность; о его своей, особой интонации в разговоре со зрителем; о том, что утверждение в человеке высокого, светлого и значительного — главное в его искусстве. И о том, что в этом главном он, безусловно, прав.

Р. КРЕЧЕТОВА.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
Москва
6 АБР 1960